

Александр АГЕЕВ

Генеральный директор Института
экономических стратегий РАН,
профессор, доктор экономических наук
ines@inesnet.ru

100 лет войны за право быть Россией

В последние 25 лет выяснилось, что хаотичное состояние международных отношений не устраивает всех - и великие державы, и малые и средние государства, и даже США. В международной среде вызревает подспудное желание выйти на новый горизонт отношений, где бы в связях между государствами господствовали уверенность в завтрашнем дне, предсказуемость действий всех международных субъектов. Вместо этого в последние годы мир сталкивается с непредсказуемостью действий самого мощного на сегодняшний день международного субъекта - Соединенных Штатов Америки, что ведет к выбору: либо формирование нового мирового порядка, либо мировая военная катастрофа. Существует ли на сегодняшний день в мире сила, которая была бы способна взять на себя роль инициатора, способного предложить альтернативу сползанию мира в пропасть безнадежности? Кто, кроме России Путина, способен сегодня взять на себя такую ношу? Или же мир безвыборно стоит на пороге возникновения новой холодной войны, которая безальтернативно грозит закончиться третьей мировой войной?

ВОЙНА «ХОЛОДНАЯ», «ГОРЯЧАЯ» И МИРОВАЯ

Есть ли основания полагать, что новая холодная война уже началась? Если они есть, то реагирует ли наше общество и государство надлежащим образом на столь существенное изменение внешних условий?

Если таких оснований нет, то возникает, как минимум, три вопроса: высока ли вероятность наступления таких обстоятельств? каким ресурсом времени располагает Россия, чтобы парировать любой неблагоприятный для нее сценарий развития обстановки? какой должна быть модель поведения в новой ситуации?

Формальной точкой отсчета начала холодной войны XX века историки считают фултонскую речь У.Черчилля 5 марта 1946 года, произнесенную в присутствии Президента США Г.Трумэна. Начало новой холодной войны XXI века эксперты сегодня усматривают во введенных США и другими странами НАТО экономических, технологических и персональных санкциях против России, втягивании ее в украинский и другие кризисы. Однако в реальности такая война, по аналогии с предыдущей, складывается из множества моментов, разнесенных по более длительному временному интервалу.

Так, на момент произнесения Черчиллем своей речи в Фултоне уже состоялись не вызванные военной необходимостью демонстрационные ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, были разработаны антисоветские военные операции «Рэнкин» и «Немыслимое»¹. В Берлине, странах Восточной Европы, Франции, Италии, Греции набухало взрывоопасное политическое напряжение, в Китае, Корее и Вьетнаме продолжали разворачиваться освободительные движения, вовсе не однозначно связанные с СССР или США. На военно-политическую ситуацию огромное влияние оказывала монополия США на атомное оружие. Его применению мешало лишь ограниченное количество произведенных бомб, недостижимость ключевых районов СССР для их доставки, мощная советская группировка в Европе, легко достигающая Ла Манша в случае конфликта².

Любые войны ведутся за исход (последствия), который будет после них, а определяются причинами, которые возникли накануне конфликта. Между причинами и исходом - собственно война, крайний способ разрешения международных противоречий. Война называется «холодной», если между ключевыми субъектами меж-

дународных отношений состояние «горячей» войны формально не объявлено, но поведение хотя бы одной из сторон направлено на явный и тайный подрыв потенциалов жизнедеятельности другой стороны с применением в том числе вооруженных и специальных сил, а между сторонами складываются напряженные отношения в некотором диапазоне: от дошедшего до крайности напряжения - на грани войны - до так называемой «разрядки».

Война приобретает мировой характер (статус), если вовлекает в явное или латентное военное столкновение большинство значимых стран мира, хотя бы и без военных действий на их территории. Статус «мировая война» предполагает вовлеченность в нее практически всех великих держав, как это было в Первой и Второй мировых войнах. Холодную войну XX века в известном смысле тоже можно отнести к мировым, с учетом того, что ее участниками были две единственные существовавшие на тот момент сверхдержавы.

Для квалификации войны в качестве мировой в условиях современного или перспективного состояния необходимо военное противостояние единственной на сегодня сверхдержавы - США - хотя бы с одной великой державой современного мира. Формально объявление такого противостояния и военного столкновения непосредственно на пространствах противников немедленно превратят такое противостояние в войну мировую. А отсутствие объявления и прямого конфликта с вооруженными силами противника на любом театре возможных боевых действий (суша, море, воздух, космос), но наличие целенаправленных действий по подрыву потенциалов противника делает этот конфликт «холодной войной».

Е.Примаков считает, что в нынешних условиях «возвращение к «холодной войне» не является «неизбежным», поскольку отчуждение с Западом - это не «холодная война» в прошлом смысле этого слова, так как тогда на противоположных идеологических позициях стояли две группы государств, каждая из которых возглавлялась Соединенными Штатами и Советским Союзом, что угрожало перерасти в войну горячую. Теперь такого положения нет»³.

Фундаментальный признак наличия войны - негативные последствия в виде утрат потенциалов: военного, демографического, экономического, финансового, технологического, территориального, инфраструктурного, организационно-управленческого, политического, репутационного и т. д. При отсутствии всего этого - нет и состояния войны.

Ретроспективно подготовка военных планов и боевые действия в двух мировых войнах XX века разворачивались вокруг двух осей, определявших интересы и мотивы, военную и экономическую стратегию и тактику сторон: доступ, во-первых, к рынкам сбыта и источникам поставок минерально-сырьевых ресурсов и, во-вторых, к транспортным (коммуникационным) артериям. Так, нападение Германии на СССР в 1941 году во многом, если даже не в основном, диктовалось невозможностью дальнейшего экономического развития на принципах сырьевой самодостаточности. Доступ к бакинской и грозненской нефти, углю Донбасса, урану, марганцу, ртути и железной руде Днепропетровско-Криворожского бассейна, черноземам Украины, удобным для расселения ландшафтам, рабской рабочей силе, а также сакральным объектам Евразии в Крыму, Поволжье и на Кавказе - все это предопределяло военное планирование Третьего рейха. Немецкие военные планы были тщательно увязаны с заявками промышленности, деловых кругов, силовых и идейных корпораций на конкретные предприятия, месторождения, объекты. Всего страны «оси» контролировали на 1941 год треть ресурсов земли⁴. Цель - установление мирового господства - на этом фоне отнюдь не казалась эфемерной.

Верно ли на сегодня утверждение российских экспертов в сфере информационных войн, в частности аналитика из РИСИ Игоря Николайчука, о том, что в 2014 году «Берлин проводит стратегическую информационную операцию по перестройке российско-германских отношений с формата модернизационного партнерства на формат резкой конфронтации» вследствие того, что в Германии созрело понимание, что ей пора становиться великой европейской державой и пересматривать в свою пользу итоги Второй мировой войны. Установление Германии над Украиной политического контроля (экономический - дело техники) означало бы прорыв в национальном германском бытии. За период с 1918 года Германия предпринимает уже третью попытку оккупировать Украину?

Вторая ось мирового противостояния - борьба за пути доступа к важнейшим ресурсам, за коммуникационные магистрали на суше и на море. Сегодня транспортный комплекс охватывает, помимо железных и автодорог, воздушного транспорта, также и трубопроводный транспорт, связь, частотный ресурс, космическую инфраструктуру и т. д.

В некотором смысле контроль над транспортными артериями являлся самоцелью. Достаточно вспомнить коллизии вокруг

КВЖД и железной дороги Берлин - Багдад, канала кайзера Вильгельма, поперечные дороги между Восточным и Западным побережьями Африки, Босфор и Дарданеллы, Суэцкий и Панамский каналы и т. д. Строительство этих магистралей приходится на конец XIX - начало XX века и сопровождается нарастанием конфликтности между ключевыми стратегическими игроками. Контроль безопасности коммуникаций, а попутно извлечение транзитной ренты, было стратегической целью во всех военных планах и операциях прошлого века.

Особый вид ресурсов - люди и территории. В начале XX века акцент делался скорее на территориях с ресурсами; население тогда рассматривалось по преимуществу как мобилизационный потенциал. Сегодня население в большей степени рассматривается как потребительский рынок. Отношение к территориям тоже стало более избирательным.

Однако причины войн не исчерпываются проблемами доступа к ресурсам, рынкам, коммуникациям. Войны - это еще и продукт цепочки управленческих решений конфликтующих сторон*. Решения, в свою очередь, принимаются теми, кто обладает правом принятия таких решений, испытывая при этом влияние (давление) как со стороны своего окружения и лоббистских групп по интересам, так и внешнеполитическое влияние с тем или иным знаком.

В конечном счете причины, интересы, мотивы, взаимодействие причин и людей, их устремлений и ожиданий, логика, смысл и бессмыслица событий сплетаются в очень сложный узел. И даже спустя целый век есть все основания даже о Первой мировой сказать так: «Казалось, что эта война продлится недолго... Однако, вопреки ожиданиям, она все тянулась и тянулась... Когда война, наконец, закончилась, люди попытались понять, что же произошло на самом деле и что вызвало конфликт. Существовало множество объяснений - от ошибки, высокомерия и глупости до напряженных отношений между конкурентами в мировом масштабе и в индустриальном обществе в целом... Великая война стала бедствием как для победителей, так и для побежденных...»⁵ Аналогичный клубок сплетается и в наши дни.

* Тем более войны локального характера. Так, сегодня хорошо известно, что война Советского Союза в 1979-1989 гг. в Афганистане была развязана исключительно по решению четырех человек: Андропова, Устинова, Громыко и Брежнева.

РОКОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ «ЧЕРНЫХ ЛЕБЕДЕЙ»

Хотя причины войн имеют объективные свойства, а их начало и реальный ход, как и завершение, существенно зависят от интерпретации реальности (рефлексии), свою роль во всех войнах играют «черные лебеди», непредсказанные или не принятые в расчет события, вызвавшие существенные и долгосрочные последствия.

Так, и обе мировые «горячие», и «холодная» войны вызвали колоссальные изменения, ожидал которые мало кто из современников. «Как часто я мечтал о русской революции, - признавался позже Людендорф, - которая бы существенно облегчила нам жизнь; и вот она свершилась, совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать. А что она позднее перекинется и к нам, об этом я тогда и подумать не мог»⁶. Так желаемое для некоторых ключевых игроков той войны сплелось с непредсказуемыми «черными лебедями».

Но раскрытый ящик Пандоры таил гораздо больше из того, о чем не мог и подумать Людендорф. В декабре 1917 года было подписано тайное соглашение между Великобританией и Францией, отдавшее в сферу интересов Великобритании Кавказ и казачьи территории на Кубани и Дону, а в сферу интересов Франции - Бессарабию, Украину и Крым. США вскоре заявили о своих интересах на Севере России и Дальнем Востоке и отправили туда экспедиционные войска. Разваливающаяся империя быстро наполнялась активно действующим по своему усмотрению вооруженным контингентом: возвращающимися с фронта частями и тысячами разрозненных военнослужащих, красногвардейцами, пленными чехами, словаками, австрийцами, китайцами, латышами, анархистами и т. д.

Однако в хаос вверглись все. Даже США, позже всех вступившие в войну, в апреле 1917-го, в 1920 году с трудом справлялись с нормализацией внутреннего положения в стране.

Спустя 22 года после крушения Российской империи на XVIII съезде ВКП(б) лидер советского государства выступит со своей программной речью, в которой определит сложившееся положение и место в нем нашей страны. Прежде всего он подчеркнет, что уже идет «новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно перекраивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного

режима... Экономический кризис... приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий...»⁷.

Перечень событий, которые и сегодня втягивают мир в новый мегахонфликт, снова повторяют предысторию Первой и Второй мировых войн.

После Первой мировой «запаса прочности» Версальско-Вашингтонской системы хватило чуть более, чем на десять лет, хотя тогдашняя холодная война стартовала уже в 1919 году⁸. Большую прочность показала Ялтинско-Потсдамская система мироустройства. Ее хватило почти на полвека, чтобы предотвратить новую мировую «горячую» войну. После завершения холодной войны в 1991 году в связи с исчезновением одной из сторон конфликта, казалось, наступила новая эпоха... Но вот когда на самом деле началась и прерывалась ли вообще холодная война - эти вопросы требуют прояснения. Ведь постоянное, пусть и циклическое вползание мира в новую бойню свидетельствует о том, что ни причины, ни мотивы, ни стиль разрешения противоречий не изменились. Правда, добавились новые причины и мотивы, которые могут в корне изменить характер будущей мировой войны.

КАПИТУЛЯЦИЯ 1991 ГОДА

Фултонская речь Черчилля в 1946 году была событием знаковым, сравнимым с нотами Пурталеса в 1914-м и Шуленбурга в 1941-м. Последние официально объявляли России (СССР) «горячую войну», которая уже началась. Для анонсирования войны «холодной» был избран отставной, но авторитетный политик. Правда, целый ряд решений, явно недружественных, был принят еще при жизни Ф.Д.Рузвельта.

К 5 марта 1946 года у обеих сторон накопилось множество свидетельств наращивания потенциала противостояния, враждебных намерений, планов и действий. План «Дропшот» 1949 года подвел идеологическую и военно-стратегическую основу под уже идущую холодную войну. В нем было подчеркнуто, что «наиболее серьезную угрозу национальной безопасности США представляет...

сама природа социалистического строя». Соответственно, поставлена и главная политическая цель намечаемой войны: не ограничение «мощи и влияния Москвы», как в предыдущих планах, а ликвидация Советского социалистического государства, уничтожение «корней большевизма», реставрация капитализма и колониализма и установление с помощью НАТО американского мирового господства. Для этого требовалось «уничтожить советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороны на Дальнем Востоке»⁹. Также предусматривались операции психологической войны для подрыва морального духа населения СССР. Всеобъемлющая экономическая блокада СССР началась в 1947 году.

Хотя анализ своих «атомных возможностей» показал США недостижимость целей плана при тогдашнем соотношении сил и хотя была затем выработана долговременная «стратегия сдерживания», ключевые цели холодной войны никто не пересматривал вплоть до ее окончания. Нарастание военного превосходства стало основой западной геополитической стратегии. В Меморандуме Совета национальной безопасности США (Директива СНБ-68) отмечалось: «Без совокупной превосходящей военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика устрашения, являющаяся практически политикой спланированного и постепенного принуждения, будет не более чем блефом»¹⁰.

В последующие десятилетия холодная война разворачивалась по всем закоулкам планеты, в Мировом океане, воздушном и космическом пространстве, по всему спектру взаимодействия, включая культуру и спорт, пропаганду, образ жизни. Несколько раз стороны были на грани применения ядерного оружия, прежде всего в Корейском, Берлинском и Карибском кризисах. Несколько раз начиналась и сворачивалась «разрядка» напряженности. Но базовые постулаты и цели холодной войны с западной стороны оставались неизменными весь послевоенный период.

Советская позиция претерпевала свою динамику, опираясь на рывок в создании ракетно-ядерного оружия и системы ПВО, выход на военно-стратегический паритет с США, следуя своему пониманию пределов соперничества и экономических возможностей, текущей и перспективной мировой и внутренней ситуации. Но главное, что подтолкнуло СССР, все-таки сводилось к тем аттракторам и принципам, которые определяли его и внешнюю, и внутреннюю политику.

Прежде всего сказалась перегрузка военными программами и вовлеченность в различные локальные конфликты без надлежащего осознания их соответствия или несоответствия жизненно важным интересам страны. Сложившаяся социальная структура и инертность политико-идеологического режима не позволили своевременно диверсифицировать и перевести советскую экономику на новые технологические платформы и поднять качество жизни. Хаотизация аттракторов в ходе перестройки обернулась катастрофой, в самом существенном повторив череду событий 1916-1917 годов.

Открытая ликвидация СССР как «геополитической реальности» в декабре 1991 года завершила холодную войну. Формально никто не подписывал, как в Компьене, Карлхорсте или на борту крейсера «Миссури», акта о капитуляции. Радостный звонок Ельцина Президенту Бушу из Беловежской пущи не похож на капитуляцию. Но опыт двух мировых войн научил, по крайней мере, тому, что победителям не следует слишком явно унижать проигравшую сторону. Это закладывает избыточно сильные мотивации отложенного реванша.

С учетом опыта Первой мировой, унизившей народ и элиты Германии, после Второй мировой войны внешнеполитические архитектуры и внутренние институты для потерпевших поражение Германии и Японии принудительно строились в формате их интегрирования в военно-политические и экономические институты победителей.

Так и руководство новой России, ставшей де-юре преемницей СССР, выбрало курс на интегрирование в международные, прежде всего западные, институты. Необходимые и достаточные условия для принуждения России к такому выбору были сформированы в годы перестройки. Прежде всего - дезорганизация экономики, стремительное обременение внешними долгами, разрушение Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи, неоднократная замена руководящих кадров практически по всей управленческой вертикали и демонтаж системы управления, межнациональные конфликты, внешнеполитические уступки и явные ошибки. Извне были предприняты действия по снижению цен на основные экспортные товары СССР (газ и нефть), блокированию доступа к кредитам и развертыванию проекта «Звездные войны».

Логика фактов однозначно свидетельствует о факте капитуляции СССР в холодной войне и последующем исполнении Россией ее условий. Цели «Дропшота» и последующих уточняющих и конкретизирующих его доктрин, директив и стратегий в целом были реализованы.

Признаки капитуляции в любой войне сводятся к разоружению и отказу от борьбы с противником; смене политического режима и явному или завуалированному контролю над отправлением правительственных функций и расстановкой кадров; утрате территорий; открытию границ для капитала страны-победителя; выплате репараций в разных формах вывода финансового и материального капитала вовне; целенаправленной обработке общественного сознания в пользу нового курса; внешнеполитическим ориентирам.

Подобное принуждение на себе сполна испытали Франция после 1871 года, Германия и Австро-Венгрия после 1918-го, Германия, Италия, Япония после 1945 года, Россия после 1991-го. Оформлены, правда, российские обязательства в 1991 году были намного изощреннее, представленные как «свободный выбор свободного народа в пользу демократии», но ставшие по сути квазикапитуляцией.

В результате своего добровольно-принудительного положения Россия была втянута в разрешение геополитических и геоэкономических задач бывшего противника. Прежде всего фактический обмен западной финансовой и товарной массы на дешевые ресурсы постсоветских государств предотвратил срыв экономики США и Европы в кризисный «штопор». Была продана по заниженным ценам даже значительная часть запасов обогащенного урана и других стратегических минеральных ресурсов.

По сути, это была экспроприация в пользу Запада части ресурсов СССР как результат его поражения в холодной войне. Хранение национальных валютных резервов постсоветских стран, включая Россию, в гособлигациях США также явилось одной из форм репараций победителю в холодной войне. Сюда следует добавить существенную «утечку умов» и объектов интеллектуальной собственности. Всего, по самым осторожным оценкам, отток инвестиционных ресурсов из РФ за 1990-е и нулевые годы XXI столетия превысил 2 трлн. долларов. Установлению неэквивалентного обмена стран Запада с РФ способствовал и импорт оборудования, технологий, других объектов интеллектуальной собственности, который хотя и способствовал модернизации российской экономики, но одновременно с этим усиливал импортозависимость и привязку к зарубежным техническим решениям, зачастую устаревшим*.

*«Сбрасывая» в Россию свое устаревшее оборудование, США получили стимул к замещению его у себя новым, шестым технологическим циклом.

Следует учесть и масштаб экономических, технологических и демографических потерь, а также упущенных альтернативных выгод, которые страна понесла в результате принятого курса реформ и форсированной трансплантации институтов.

Освобождение от неформальных и формальных условий квазикапитуляции началось лишь с укреплением экономического положения России, восстановлением военного потенциала, накоплением обоснованного недоверия к Западу, пробуждением массового патриотического самосознания. Глобальный финансовый кризис, Пятидневная война в Грузии, яростная антироссийская информационная кампания в августе 2008 года и в период президентских выборов 2012 года, наконец, украинский кризис катализировали обретение Россией основ своей новой геополитической субъектности.

Осознание чрезмерного давления на самолюбие, а по существу - на суверенитет России, ее руководства и общества, появляется сегодня и на Западе - «не надо тыкать палкой русского медведя». Квинтэссенцию этого сознания 16 сентября 2014 года в «Le Monde» выразил бывший глава МВФ Мишель Камдессю, подчеркнув, что после развала СССР Запад отнесся к России как к поверженному противнику, которого стало возможным игнорировать и даже унижать. Победенным русским достались ирония, сарказм и презрение. Это было безответственно. Вся эта история напоминает взрывоопасную логику Версальского договора 1919 года, который намеренно унижал побежденную Германию.

СИЛОВАЯ ЭКОНОМИКА

Прологом в большой войне является снятие барьеров для использования разнообразных силовых экономических рычагов. Потенциал, способность и готовность их применить составляют глобальный организационный капитал США и их союзников. Комплекс этих рычагов включает в себя контроль важнейших финансовых и коммуникационных инфраструктур, нормативного поля, инфраструктуры и контента СМИ и Интернета, поставки ВВТ, управление доступом к космическим технологиям, неэквивалентную продажу инноваций, перенос энергоемких и неэкологичных производств, торговлю квотами на углекислый газ, манипулирование ценами и структурой поставок сырья, энергоресурсов, воды, медикаментов и продовольствия, контроль пан-

демий, а также манипулирование объемами денежной массы, производных финансовых инструментов, курсами валют, ценой на золото, контроль офшорных зон и отмывания денег и т. д. и т. п.

Этот комплекс придает американскому финансовому «мыльному пузырю» вполне реальное наполнение в виде американских инвестиций в другие страны, стимулирования американского спроса на импорт, принудительной корректировки параметров стратегически важных производств, поставок и коммуникаций в таких случаях, как Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия, Югославия, Судан и другие. В результате бенефициаром американского «мыльного пузыря» выступают не только сами США, но и широкая коалиция государств и корпоративных заинтересованных сторон.

Строго говоря, балансировка нарушенного равновесия финансово-го и реального секторов может длиться довольно долго. В конце концов, нынешний дисбаланс беспрецедентен, но он бьет исторические рекорды уже более десяти лет и «красная черта» - категория пусть и не умоузырительная, но в некотором смысле экспериментальная - *еще не пройдена*. Поэтому между фазой «большого кризиса» и фазой «большой войны» есть дистанция. Кризисная фаза может быть растянута во времени, что и показывает течение кризиса с 2008 года, опровергающее многие торопливые предсказания «краха империи доллара».

В кризисе как управляемом стихийно протекающем процессе¹¹ чередуются активные и пассивные фазы. Они модулируют управляющее воздействие на поведение экономических агентов, мониторинг их реакции - шок, стресс, адаптацию, релаксацию, и новую корректировку для выведения системы в желаемое временно устойчивое состояние.

Ключевой момент активной фазы кризиса - это заранее спланированный и организованный момент сжатия финансовой массы, дающий импульс нарастающей волне требований возврата займов по кредитной цепочке, что в итоге упирается в невозврат долгов, отдать которые невозможно из-за невозможности перекредитования. Далее начинается запрограммированная перегруппировка активов и облика финансово-банковских корпораций на фоне панического шарахания из стороны в сторону дезориентированной массы индивидуальных и корпоративных инвесторов. Когда наконец «сигнал затухает», то перед всеми предстает новый экономический ландшафт - новый уровень и конфигурация концентрации капиталов, добровольно-принудительная картелизация американской и международной финансовых систем. Именно это и имелось в виду при выработ-

ке стратегии текущего глобального кризиса. Однако стратегический замысел этим не исчерпывается, как это было и в случае с Великой депрессией, отнюдь не завершившейся в 1933 году. Для выхода США на лидирующие позиции в западном мире тогда требовалось участие в большой войне с соответствующим стимулированием реального производства и перекраиванием устройства мировых финансовых и товарных рынков.

Ныне ситуация напоминает уже имевшую место, но понятие «война» в современных условиях нуждается в качественном пересмотре и расширении. Военный конфликт сегодня есть более или менее брутальная (кровавая) форма экономической по своей сути борьбы. Только сегодня это борьба не столько за ресурсы и рынки сбыта, линии коммуникаций, хотя и за это тоже. Достаточно вспомнить современные и ожидаемые очаги напряженности, чтобы убедиться в неизменности этих причин противостояния (Суэцкий канал, «Южный поток», Великий шелковый путь, острова Спратли, Арктика, Балканы, Судан, Ливия, Сирия, Иран, Афганистан и т. д.). Наиболее жесткая борьба идет за инструменты глобального регулирования экономической активности между государственными структурами и определенными кланами глобального управленческого суперкласса, хотя и опирающимися на конкретные страны. В предельной формулировке - это борьба за мировое господство, за власть над поведением всего человечества, его ценностями и смыслом существования.

Надвигающийся мировой военный конфликт призван решить задачи завоевания, удержания контроля и стимулирования роста конкретных зон экономической активности для концентрации стратегических товарных и финансовых ресурсов. Собственно военный конфликт и угроза его развертывания выступают способом управления глобальными политическими процессами¹².

Важнейшей современной особенностью является тиражирование и разрастание очагов хронического военно-террористического напряжения (вокруг и внутри Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Ливана, Судана, Сомали, Косова и т. д.). Эти «серые зоны» контролируются непризнанными группировками, находящимися вне юрисдикции международного права¹³. Однако они находятся в нелегальном контакте с партнерами, обеспечивающими для них поставки оружия, продовольствия, финансовый сервис, как правило, в криминальной форме. А главное - эти «серые зоны» возникают вблизи главных осей и прежних войн - ресурсных бассейнов (нефте- и газоносных терри-

торий, очагов массового производства наркотиков, месторождений драгоценных и редкоземельных металлов, источников пресной воды), транспортных артерий и хабов.

Глобальная стратегия США исходит из необходимости концентрации на первостепенных угрозах, чтобы не растрачивать ресурсы и жизненные силы. В число первостепенных угроз входят:

- непосредственные угрозы американскому будущему - грядущий вызов Китая, «веймарский синдром» России, распространение ОМУ в направлении государств-париев;

- региональные войны, прежде всего в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии;

- важные международные проблемы, не затрагивающие собственно американские интересы, но могущие поколебать (бросить тень) абсолютно господствующий в международных отношениях авторитет США (Косово, Сомали и т. п.)¹⁴.

Последние приоритеты угроз в формулировке Обамы (ИГИЛ, Россия и Эбола) - актуальная конкретизация задач по парированию «первостепенных угроз».

ДОНОР И БЕНЕФИЦИАР

100 лет - достаточный срок для определения сути явления. Повторяемость войн - сначала двух мировых, затем холодной и теперь признаков новой холодной - свидетельствует о наличии некоторого устойчивого механизма, с определенной периодичностью выводящего человечество в состояние военного конфликта.

Если ключевые ресурсы (энергосырьевые, людские, транзитные) находятся в развивающихся странах, авангард которых сегодня - это страны БРИКС и МИНТ, то технологические, военные и институциональные ресурсы в ходе мирового развития сосредоточились преимущественно в странах Запада. В мирной парадигме это выглядит как естественная основа обмена, торговли, сотрудничества, гармонии цивилизаций. В иной парадигме такое неравномерное распределение возможностей может явиться (и является) поводом для силового перераспределения и агрессии.

От веков колонизации европейскими державами известной ойкумены остались не только неравномерность развития стран и регионов, но и культура силового решения экономических в своей основе проблем.

К Первой мировой войне вел длительный путь, истоки которого обнаруживаются в невероятно быстром взлете Германии, консолидации США и имперской гегемонии Великобритании, с одной стороны, и дискриминированном положении России - после поражения в Крымской войне и Франции - после поражения 1871 года. Решение внутренних проблем основными великими державами за счет колонизации мира быстро привело их к столкновению в основных точках пересечения интересов и коммуникаций.

Вторая мировая война во многом доигрывала сюжетные партии, обозначенные итогами войны 1914-1918 годов. Очевидна и связь холодной войны и итогов Второй мировой. Только когда появился один победитель всех трех войн, стала очевидна вся партитура вековой драмы, ее главный стержень и главная модель победы. Она не сводится к военной силе. Именно на эти 100 лет приходится триумф кредитно-долговой модели экономического развития, которая позволила США через череду дефолтов совершить рывок к статусу нынешнего мирового гегемона, единственной сверхдержавы. Россия в этом контексте устойчиво однообразно выступала в роли мирового донора.

Во всех войнах XX века обнаруживается прямая связь экономического роста в США с всплесками ресурсных изъятий из России, а также с втягиванием России в военно-политические конфликты. Западу усиление напряженности дает основания для наращивания военных расходов, загрузки предприятий ВПК и военного присутствия США в значимых регионах. Механизм выхода из кризиса срабатывает по одному шаблону: сжатие и сжигание денежной массы в ходе кризиса и конфликта, затем, и отчасти параллельно, - наращивание денежной массы для посткризисного роста.

На каждом витке событий, предвещающих и составляющих мировую войну и обеспечивающих благоприятный для главного игрока исход, видны отчетливые экономические и политические результаты. Они - итог не стихийной удачи, геополитического везения, а тщательно спланированного мегамасштабного долгосрочного планирования, способности формировать проектное поведение в глобальном масштабе. Успех этой стратегии в Первой мировой стимулировал тиражирование этой стратегической матрицы в преддверии, в ходе и после Второй мировой, в холодной и в наше время. Палитра результатов красноречива и говорит о том, что бенефициар имеет все основания думать - игра стоит свеч.

ВЫВОДЫ

Ответим на вопросы, поставленные в начале. Главный из них - есть ли у нас основания для умозаключения о том, что новая холодная война уже началась?

Рисунок событий сегодня во многом (фрактально) повторяет то, что происходило в отношениях СССР и Запада после окончания Второй мировой войны, но пока в менее масштабном виде и с отягощением «веймарским синдромом» России. Недавнее отнесение действий России Президентом США в ООН к одной из трех наиболее существенных угроз миру, наряду с ИГИЛ и эпидемией Эбола, можно было бы рассматривать в качестве аналога фултонской речи Черчилля. Однако «псакизация» стиля внешней политики США дезавуирует эту аналогию. Следует ожидать более значимого «ремейка» фултонских заявлений. Множество «охлаждающих» событий ознаменовало пока переход в предвоенный период новой холодной войны.

И государство, и российское общество переживают интенсивный период «падения на новый аттрактор». Но стратегический выбор еще не сделан. Сохраняются в элитах и в обществе устаревшие фикции о возможности следования прежней экономической и геополитической парадигме, сводящейся к интеграции в структуры Запада, делегированию ему части своей ответственности за собственное цивилизационное развитие, предпочтению примитивной модели государственно-монополистического устройства экономики. Однако крепнут подходы к альтернативной модели, основанные на решительном углублении сотрудничества в рамках стран БРИКС и МИНТ.

¹См.: Холодная война. В двух томах. М.: ИНЭС, РУБИН, 2014.

²См.: *Фалин В.М.* О войнах разных - горячих и холодных // Экономические стратегии. 2014. №6-7.

³Российская газета. 29.10.2014. С. 9.

⁴См. подробнее: *Козловский Е.А.* Геология. Уроки Великой войны // Экономические стратегии. 2010. №3.

⁵См.: *Ергин Д.* Добыча. М., 2007. Все эти слова Ергина в полной мере относятся и ко Второй мировой. Я уже не говорю о том, что и в Афганистан в декабре 1979 г. Москва ввела войска на два-три месяца, а провоевал Советский Союз там десять лет и в конечном итоге развалился и сам.

⁶Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца. 1914-1918. М.: Центрполиграф, 2007. С. 188.

⁷Сталин И.В. Сочинения. Т. XIV. М.: Писатель, 1997. С. 290, 294, 300.

⁸См.: Фалин В.М. Указ. Соч.

⁹Drop Shot. The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957. Ed. by A.Brown. N.Y., 1978. P. 47.

¹⁰Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. 1. National Security Affairs: Foreign Economic Policy. Wash., 1977. P. 253.

¹¹Агеев А.А., Логинов Е.Л. New Deal - 2008 - «новая сдача». Блудные ученики Франклина Рузвельта // Экономические стратегии. 2009. №2.

¹²Голдгейер Дж., Макфол М. Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». М.: Международные отношения. 2009. 520 с.

¹³См.: 4 мировая война, М., 2002.

¹⁴Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. С. 153.

Ключевые слова: война холодная, горячая и мировая, силовая экономика, Россия, США, Запад.